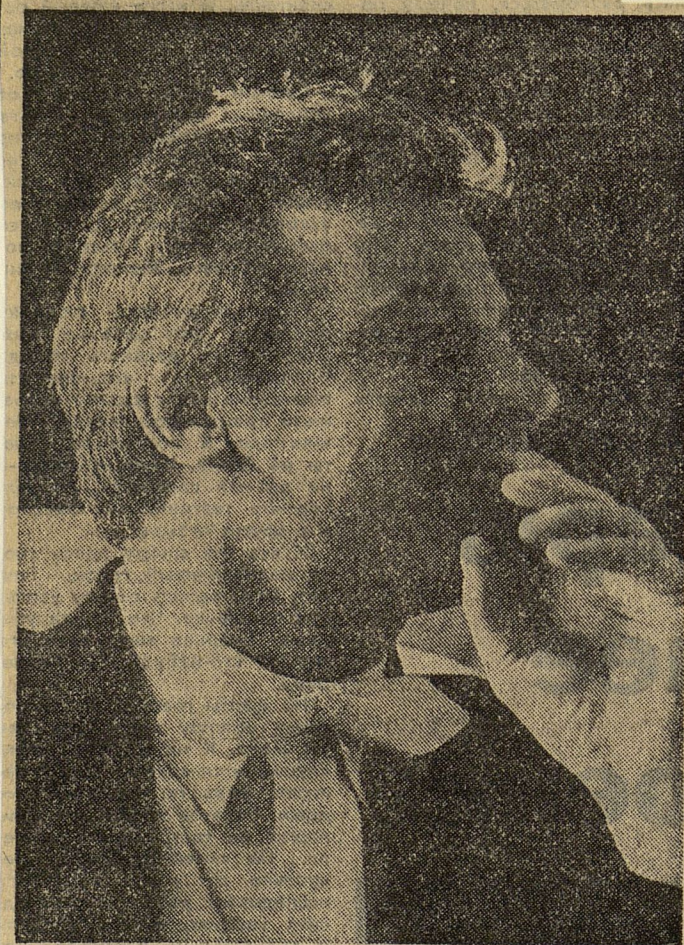
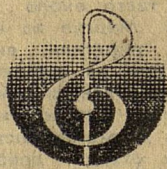

СМЕНА 1985, 8 сер, №282

**ВОСКРЕСНЫЙ
ГОСТЬ «СМЕНЫ» —
ЗАСЛУЖЕННЫЙ
ДЕЯТЕЛЬ
ИСКУССТВ РСФСР,
ЛАУРЕАТ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ПРЕМИИ РСФСР
ВЛАДИСЛАВ
АЛЕКСАНДРОВИЧ
ЧЕРНУШЕНКО**

питание на необходимую высоту — путь решения многих наших сегодняшних проблем. Споры нет — есть масса важнейших предметов, и все они нужны, и все это так. Но... Что, если не гуманитарные науки, разбудит душу ребенка?

Мы упрекаем сегодня молодых за то, что они не хотят слушать нашу музыку, не понимают ее — а ведь в пору нам и заодно нашим учителям, сняв шляпу, просить прощения у нескольких поколений молодых людей, которых мы обокрали, отняв у них это стремление, не научив их слушать и слышать. Они не знают, может быть, что они обделены нами и — как страшно это — может быть, и не узнают никогда. Вот что надо наконец осознать, а осознав, принять необходимые меры.

— Владислав Александрович, все же корень проблемы видят обычно — и вы тоже не возражаете, хотя называете и дополнительные причины — в неудовлетворительном преподавании музыки и пения в общеобразовательной школе. Но вспомните свои школьные годы, я могу вспомнить свои —

зано, но духовное здоровье нашей смены зависит и от наших усилий. Мы стараемся сегодня вовлечь наших студентов в орбиту деятельности, направленной на музыкальное просвещение молодежи. Помимо концертов, объединенных в специальные абонементы, в нашем Малом зале имени Глазунова и в Оперной студии пытаемся выйти за рамки своего дома. Ведем большую работу в профтехучилищах и детских домах. Если бы вы прочли отзывы из детских домов! Ребята там во много раз восприимчивее, чем домашние дети, к любому концерту они — ничем не избалованные — относятся как к празднику. К таким концертам наши студенты относятся с неподдельным чувством, с особой ответственностью. Но, конечно же, деятельность вне стен Консерватории и может и должна быть шире — возможности для этого есть. Этим и предстоит заниматься.

— В ходе нашей дискуссии о роли серьезной музыки в жизни молодежи выяснилось, что в

ОТ СЕРДЦА

К СЕРДЦУ

Бывает так, что всю жизнь человеком движет «одна, но пламенная страсть». Это не значит, что он ограничивает себя во имя этой страсти, наоборот, он может ради нее нагружать себя делами и заботами, которые многим покажутся лишними, отвлекающими. Но он-то знает, что все они в конечном счете — ради того дела, которому он посвятил себя однажды и намерен служить до конца.

Так и у Владислава Александровича Чернушенки. С ранней юности, едва ли не с детства поверил он в то, что песня, спетая хором, едиными устами, есть великая сила, способная сплотить, сблизить, объединить людей, разных и непохожих, дать им сполна ощутить радость совместного творчества.

Хоровое пение — одна из прекрасных традиций русской истории и русской культуры. Сделать все, чтобы традиция эта, в какое-то время незаслуженно забытая, не ушла навсегда в прошлое, но с новой силой возродилась и жила, — такую задачу стал ре-

шать молодой дирижер — хоровик, едва закончив Консерваторию.

На этом пути было всякое. Были неудачи, было непонимание. Многие порывы разбивались о рутинное представление о роли пения в школе. Но он был упрям и очень верил в победу. И вот она пришла, едва ли не главная в те годы — хор Дома культуры работников пищевой промышленности, которым он тогда руководил, обычный самодельный коллектив, стал лауреатом крупного международного конкурса, оказавшись в одном ряду с ведущими профессиональными хорами. И тогда в силы молодого дирижера по-

верили всерьез...

Теперь Владислав Александрович Чернушенко — ректор Ленинградской консерватории имени Римского-Корсакова, художественный руководитель и главный дирижер Академической капеллы имени Глинки, председатель правления Хорового общества Ленинграда, один из признанных лидеров советского хорового исполнительства.

Сегодня мы беседуем с Чернушенко о роли и месте серьезной музыки в жизни молодого поколения, вспоминаем разговор «Поедем в оперу!», поднятый на страницах «Смены» нашими читателями.

— Я напомню, Владислав Александрович, с чего наш разговор начался. Были два письма от молодых людей о том, как они относятся к оперному искусству...

— Не надо, я помню. И должен сказать, что вопреки многим позднее опубликованным читательским откликам, не осуждая авторов первых писем. В чем-то был даже солидарен с обоими. Если человек, в данном случае — учащийся ПТУ, пришел в театр не по своей воле, а как участник «культпохода» и не увидел в опере ничего живого — один лишь какие-то манекены — значит, он был вправе так высказаться, написать такое письмо. Не будем сейчас говорить, подготовил ли его кто — нибудь к походу в театр, объяснял ли ему, что такое оперная условность, есть ли вообще у него фантазия. Я сейчас о другом хочу сказать. Убежден: попади молодой человек впервые в оперу, а в ней поет Шалапин или кто-нибудь из великих наших современников, он не был бы столь категоричен.

Мы вправе, конечно, упрекнуть этого молодого человека за эстетическую безграмотность, за его глухоту. Но это же письмо можно воспринять как укор тем недостаткам, которыми полнится сегодня наше профессиональное искусство. И оперное — в особенности. А значит, здесь прямое обращение к нам всем, работникам музыкальной культуры: несмотря на то, что ежевечерний спектакль, концерт для многих из нас — рядовая, будничная работа, нельзя забывать, что в зале могут оказаться люди, у которых именно в этот вечер происходит первое знакомство с серьез-

ной музыкой, и наше равнодушие навсегда поселит равнодушие в них. Ведь если искусство незаразительно, оно теряет всякий смысл. Только истинный запал коснется человеческого сердца.

Второй ваш корреспондент предпочитает высшие эталоны. И он прав во всем, кроме одного, — ничто не заменит ему живого присутствия в театральном или концертном зале. Он никогда не сможет соучастником рождения музыки. Игрет ли оркестр, поет ли хор — все, кто в зале, участвует в этот миг в едином созидательном процессе. Мне, кстати, думается, что эстрадное искусство сегодня так популярно потому именно, что в нем особо развит элемент соучастия. А ведь если этого нет, если нет сопереживания — феномен искусства, считайте, не состоялся.

Когда люди разных возрастов, разных мироощущений, соединившись в зале, слушают высокую, прекрасную музыку, рождается удивительный симбиоз душ — ни с чем не сравнимое состояние, которому я не знаю эквивалента. А тот, кто слушает хоть и прекрасную, но зафиксированную музыку дома — он как скупой рыцарь над своим сундуком, он ни с кем не делит своих чувств, он сам по себе, но не с людьми. В зале же музыка — это и лично для тебя и для всех вместе — что может быть прекраснее?

Слушатель и зритель — особенно молодой — бесконечно чуток на истину, на правду, его не обманешь. И здесь все зависит от профессионалов, и только от них! Это

дело их чести, их совести и умения.

— Так вы считаете, что в основном неинтересе молодежи к серьезной музыке, к оперному искусству виновато само искусство?

— Это лишь одна сторона проблемы, вторая, конечно же, не менее серьезная: это подготовка зрителей, слушателей. И не надо думать, что речь идет только о серьезной музыке. Серьезную литературу надо учить читать! Картины — надо учить смотреть! Как без обучения, без подготовки отличить подлинное от подделки? А в музыке — ну! без подготовки поймет и услышит оперу XVI столетия, или оценит искусство хора — самое статичное из искусств?

Задача ведь в конечном счете не в том, чтобы человек ориентировался в законах оперы, был знаком с музыкальным языком — нет, все намного глубже и шире — надо, чтобы он понимал и воспринимал красоту мира вообще, и в этом ему должно помочь искусство, и оперное в том числе. Тот, кто способен понять красоту древнего храма, он поймет и страсть греческой трагедии, и условность классической оперы.

И тут мы возвращаемся к главной проблеме, которая должна быть решена безотлагательно — с недооценкой гуманитарного воспитания, которое начинается еще в детском саду, которое продолжается в школе. Далеко не во всех семьях есть компенсация тому, чего недодает школа. А ведь именно гуманитарное образование определяет сущность мировоззрения, нравственность, формирует душу.

Поставить гуманитарное вос-

у нас же тоже все это преподавалось очень плохо, наверное, намного хуже, чем теперь. И все же был гораздо больший интерес к серьезной музыке, определенная тяга и ней...

— Раньше в школах особенно остро стояла проблема кадров. Преподавать музыку было некому. Проблему эту решили — но лишь количественно. Открыли музыкально-педагогические училища, там и готовят сегодня тех, кто в школьные годы вводит в мир музыки наших детей. Теперь педагогов много, но их уровень по-прежнему не удовлетворит. Как вы думаете, за четыре года в системе среднего специального образования можно подготовить учителя музыки? Мы же знаем, что музыкальное образование занимает пятнадцать лет — это минимум для подготовки среднего профессионала. А в некоторые музыкально-педагогические училища принимают без всякого начального образования, просто так, с улицы. И за четыре года — музыкант? Учитель? Без настоящей образованности, без подлинной компетентности труд такого педагога не просто бесполезен — он вреден, ибо отвращает от музыки. Свидетелями и участниками такого процесса мы и оказались.

— А теперь к вам вопрос как к ректору Консерватории, которая обязана быть одним из центров эстетического воспитания. Правда же? Педагоги, студенты — кому, как не им, всячески участвовать в воспитании молодежи, по мере сил и возможностей восполняя те пробелы, которые имеются в музыкальном образовании их сверстников?

— Наше искусство не существует без слушателей — значит, нам и воспитывать их. Может быть, это громко ска-

городе предпринимаются все же определенные усилия — и их не так уж мало, — чтобы исправить ситуацию, чтобы помочь подрастающему поколению войти в мир настоящей музыки. Но все это — капля в море, и большинство молодых людей как не знали о существовании этого мира, так и не знает сегодня. Несмотря на отдельные оптимистические ноты нашего с вами разговора, ощущение все же такое, что дела по-прежнему обстоят достаточно плохо.

— Я бы не сказал, что так уж плохо. Мы ведь сегодня говорим, сознательно обнажая драматизм ситуации, что-то, может быть, искусственно нагнетая. Положение тревожное, но не лишенное все же надежды. О какой, кстати, опере писал первый корреспондент? Об «Иоланте»? А вот пару дней назад в Большом зале Филармонии состоялась концертное исполнение «Иоланты» — играл оркестр Кировского театра, за пультом был Темирканов, пели прекрасные солисты. И тот энгуизм, который был в зале — я не говорю об ажиотаже вокруг, это совсем из другой «оперы», — соответствовал уровню самой высокой требовательности. Или вот другой пример — недавно дирижер с не столь громким именем, литовец Ионас Алксиса дирижировал в том же зале Брамсом. Честная, бескомпромиссная и высокопрофессиональная работа дирижера «разбудила» оркестр, который часто просто «работает» на сцене, и вместе они разбудили зал — думаю, на таких образцах и надо воспитывать нашу молодежь.

Как я уже говорил, серьезная классическая музыка не потеряет своих качеств из-за того, что кто-то ее не любит, не понимает. Потеряет тот, кто не любит, тот, кто не понимает. Ему — не любящему — неизвестно, то напряженное чувство и мысли, то драгоценное эмоциональное состояние, что рождается, когда слушаешь и слышишь. В ней многие сознательно или неосознанно отказывают себе, желая, общаясь с искусством, лишь развлекаться и отдыхать, удовлетворяясь тем, что может в лучшем случае служить лишь бытовым фоном. Но ведь есть и то, что над бытом, то, что нас над ним поднимает, что обогащает нас нравственно, пробуждает в нас то, что, возможно, запрятано глубоко, но что необходимо достать, чтобы остаться человеком, способным чувствовать, плакать, жалеть — одним словом, жить.

Беседу вел
Т. ОЮГОВА
Фото Ю. Велинского